

К обсуждению понятия «наследие»

Словом «наследие» – с теми или иными квалификациями (культурное, природное, мировое, региональное, духовное, материальное, художественное, интеллектуальное и т.п.) давно и широко пользуются в обсуждении проблем и задач реально осуществляемой, в большой мере полезной, а иногда и жизненно необходимой деятельности консервационного, реставрационного и экологического характера. Вместе с тем, приходится признать, что слово это так и остается словом – со всей многозначностью и размытостью значения, присущей словам обыденного языка. Понятия «наследие» не существует.

В Институте культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (которому по самому программному содержанию его деятельности такое понятие особенно нужно) в течение нескольких лет функционирует еженедельный семинар, на котором обсуждается проблематика наследия и смежные темы. В 2003 году основным содержанием работы семинара стало обсуждение различных подходов к построению собственно понятия «наследие». На 2004 год намечено проведение «круглого стола», посвященного концептуализации наследия.

В данном выпуске мы публикуем тезисы трех авторов, отражающие в чем-то общие, в чем-то альтернативные подходы к решению этой задачи.

А.А.Пископнель

Культурнонаследническая деятельность и концепт наследия

1. Первым и исходным для моего отношения к обсуждению концепта наследия является представление, что по преимуществу и прежде всего этот концепт существует в качестве теоретико-методологического дискурса вокруг его содержания и смысла. Именно это обстоятельство отмечается в форме традиционного утверждения: «общепринятого понятия наследия до сих пор еще не существует». Естественно, что в этом случае отношение к понятию «наследие» существенным образом определяется рамками того подхода, который служит основанием той или иной позиции в этом дискурсе. Моя позиция здесь вполне определенная – это тот взгляд на культуру и ее место в общественном целом, который на уровне всеобщности выработан в СМД-методологии и на этом семинаре уже не раз обсуждался.

Здесь я отсылаю к схеме воспроизводства деятельности и противопоставлению культурного и социетального функциональных подпространств социума, заданных относительно процессов трансляции культурных норм, с одной стороны, и реализации этих норм в пространстве социальных ситуаций – с другой (см., например, «Культура и ее понятийное окружение (в рамках системодетельностного подхода)» // Этнометодология. Вып. 8, М., 2001). Основная идея этого всеобщего представления, как известно, состоит в полагании, что воспроизводство общественной жизни, ее единство и целостность в условиях неизбежных изменений обеспечивается за счет культурного самоопосредования.

Соответственно и весь сопутствующий концептуальный аппарат, стоящий за этим представлением, его основные различия также являются здесь для меня основой для того конструктивного истолкования концепта «наследие», о котором пойдет речь ниже. Таким образом, это будет попытка очертить содержание и смысл концепта наследия с точки зрения СМД-подхода. Специфицирующим же для него является принцип – исходить из идеи деятельности и рассматривать те или иные предметно заданные или полагаемые сущности в качестве организованностей той или иной предметнопорождающей деятельности, т.е. в качестве ее предметизаций и объективаций. Таким образом исходным в таком контексте является не наследие как таковое, а коррелятивная ему культурнонаследническая (наследническая) деятельность.

2. Второй, уже эмпирической, исходной посылкой для обсуждения является посылка, что происходящие обсуждения и выработка общезначимого содержания понятия наследия вызваны сложившейся социокультурной ситуацией в этой сфере, процессами ее роста и самоопределения, когда разные виды и формы исторически сложившейся заботы о состоянии памятников истории и культуры, самобытности территорий, народных промыслов и обычаев, уникальных природных оазисов и т.п. начинают рассматривать себя в качестве составных и неотъемлемых частей некой единой культуропрактической (наследнической) деятельности. Именно с подобным обстоятельством

связан поиск специфического и целостного объекта для такой деятельности, например, разработка теоретической концепции «культурного ландшафта», авторы которой исходят из представления «о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства». Тем самым категориальное понятие «наследие» призвано обеспечивать интегративную функцию, собирания и упорядочивания взаимоотношений между разными видами и формами наследнической культуропрактики.

3. Обе эти предпосылки вместе задают, в рамках нашего обсуждения, исходную интенцию моего отношения к концепту наследия. Она направлена на выяснение его предельного смысла и, тем самым, методологических оснований для его полагания в качестве регулятивного средства интеграции широкого разнообразия сложившихся и складывающихся видов социальной значимой деятельности. Реализуется эта интенция в форме попытки придания наследнической деятельности статуса «сферы деятельности», но, конечно, не в актуальном эмпирическом, историческом полагании, а лишь в возможности и перспективе. То есть речь идет о направленности процессов формирования этой деятельности и ее горизонтах. Тем самым утверждается не то, что эта деятельность является «сферой», а лишь то, что она рассматривается в качестве деятельности «стремящейся» стать сферой, т.е. через призму категории «сферы деятельности», ориентируясь на известный «закон» деятельностного существования – всякая социально значимая деятельность стремится стать сферой и ограничения на процесс ее «осферивания» являются лишь внешними.

4. Конкретизировать эту общую исходную установку можно, прежде всего, за счет противопоставления культурологической, с одной стороны, и культуротехнической (культуропрактической) деятельности – с другой, и полагания наследнической деятельности в качестве деятельности культуротехнической. То есть за счет рассмотрения этой деятельности как направленной не только и не столько на получение знаний (духовных значений) о своем объекте, сколько на его предметно-продуктивное преобразование в новое состояние. Тем самым концепт наследия с самого начала рассматривается как теоретико-методологическое, а в перспективе и институционально-организационное средство программирования, оргуправления культурными процессами.

Культуротехническая деятельность как вид культурной деятельности может иметь различную временную ориентацию. Здесь, в первом приближении, достаточно различать ориентации на «прошлое», «настоящее» и «будущее». Культуротехническую деятельность, ориентированную на «прошлое» я и буду отождествлять здесь с наследнической деятельностью. А первым содержательным, конструктивным утверждением о функциональном назначении этой деятельности и ее месте в пространстве культуры и посредством него в самом общественном целом, является утверждение, что наследническая деятельность осуществляет *вторичную аккультурацию прошлого*, превращая его в особую форму наличного бытия. Другими словами, концепт

наследия обозначает особую *культурную форму*, в которой это прошлое возвращается в наличное состояние культуры. Несколько иначе ту же мысль можно сформулировать так: наследническая деятельность является искусственно-технической деятельностью, направленной на возвращение из прошлого в настоящее того, что по тем или иным причинам было поставлено историей как естественным эволюционным процессом «на износ».

5. В указании на (возможную) функцию наследнической деятельности еще нет ответа на вопрос о ее смысле и значении, о ценностном наполнении этой деятельности, т.е. *зачем и для чего* осуществляется (или может осуществляться) подобная вторичная аккумуляция, если не исходить из априорного полагания ее в качестве самоценной. Хотя подобная самоценность и сопряжена с идеей сферы деятельности, как такого ее состояния в котором деятельность существует сама для себя, а не в качестве средства достижения иных, трансцендентных ей целей. Но здесь речь может идти не о предельном ее состоянии как таковом, а лишь о необходимых условиях его (состояния) достижения, т.е. об условиях ее осуществления и осмысленности. Очевидно, к этим условиям прежде всего относится мыследеятельностное (мыслительное и практическое) отношение к истории, историческому процессу.

Можно идеально-типологически различить несколько типов исторического мировоззрения, отношения к истории и исторического сознания. В качестве основания для подобного различения используем в качестве структурообразующего основания локус полагания необходимого (идеального) начала истории, ее основного регулятивного принципа (в разных контекстах подобные духовные значения носят имена «идеала», «истины», «ценности», «закона»), которому подчиняется ее течение. В качестве таких локусов выберем «начало», «конец» и само «течение» истории.

Такой тип исторического мировоззрения, в котором этот идеал (идеальное состояние человеческого общежития) *явлен* во всей своей полноте уже в самом начале истории (ценность только в начале), а вся последующая история рассматривается как история искажений и уклонений от этого явленного идеала, т.е. как *вечное возвращение* к этому идеалу, мы будем отождествлять здесь с *традиционалистским* мировоззрением и сознанием.

Противоположный ему тип мировоззрения и исторического сознания составит тот, где подобный идеал (идеальное состояние человеческого общежития) помещается (*явится*) в самый «конец» истории (ценность только в конце), а само ее течение рассматривается как *вечное преодоление* на пути к этому идеальному состоянию, вечное изживание исторических пережитков. Такой тип мировоззрения и исторического сознания мы будем отождествлять здесь с *прогрессистским* мировоззрением и историческим сознанием.

Третий тип мировоззрения связан с помещением такого идеала в локус самого течения истории, где он уже не явлен и не явится, а *является* в «здесь и теперь» исторического процесса. Здесь история, ее течение, есть вечное порождение, творение ее самой. В этом типе исторического мировоззрения, в свою очередь, можно противопоставить два его подтипа.

Первый из них исходит из равноценности всего исторического и, в ко-

нечном счете, из отрицания ценности как таковой (т.е. предпочтительности и иерархичности ценностного порядка). Такой подтип исторического сознания мы будем здесь отождествлять с *утилитаристским* (прагматистским) отношением к истории.

Другой полюс этого мировоззрения и сознания может быть отождествлен с *историцизмом* как таким типом исторического сознания, который рассматривает историю как перманентный процесс ценностного выбора и самоопределения, а прошлое – как историю таких выборов и предпочтений.

Следует подчеркнуть, что речь здесь идет об идеальных типах в пределах чистого мышления, а не о различении видов мыследеятельности или, тем паче, учений, социальных движений, институтов и т.п. соименных и созначных образований.

6. Опираясь на эти различия идеальных типов мировоззрения, можно утверждать, что осуществление и осмысленность наследнической деятельности и наследия как особенной культурной формы непосредственно связаны лишь с одним из них – историцистским. Ни в рамках традиционалистского, ни в рамках прогрессистского сознания, фактически, нет места ценности (самоценности) исторического как такового. Все историческое здесь есть лишь необходимое ограничение (условие, средство) доступности идеала – в силу ли испорченности (греховности) человеческой природы или ее исходной неразвитости (темноты) и законосообразной постепенности преодоления заблуждений. В их рамках деятельность наследнического типа может иметь лишь поучительный и сугубо подчиненный характер.

Только тогда, когда прошлое, история рассматриваются не только как одномомерная линия раз и навсегда осуществленных выборов (так называемого исторического развития), но и как пространство альтернативных возможностей, несостоявшихся и, тем самым, все еще существующих (виртуально) и не «снятых» единым и единственным ходом истории, смыслы, цели и результаты наследнической деятельности оказываются востребованными. Они, в культурной форме наследия, способны превращать «отвалы» истории в рефлектируемые основания, увеличивающие определенность и многомерность новых исторических выборов, артифицировать прошлое.

Какие новые горизонты открываются в этом случае как для социального целого, так и в пространстве самой культуры можно понять, если рассмотреть в качестве прототипической, масштабной культуронаследнической акции деятельность европейских гуманистов – когда наряду с духовным авторитетом Св. Отцов утвердились новые (старые) авторитеты казало бы ушедшего в небытие мира языческой, античной культуры, а с ними вместе вернулись в жизнь человека Возрождения все краски греко-римского мира с его прометеевским, богоборческим духом героического культа, миром трагических страстей и неумолимого античного рока. Титанизм ренессансной культуры, появление современных науки и инженерии, мировые географические открытия и т.п. – в значительной мере плоды их деятельности.

7. Если от условий осуществимости и осмысленности наследнической

деятельности вообще обратится к более конкретным представлениям о социокультурных целостностях и к их носителям – тем или иным общностям, то вполне актуальными становятся вопросы о *чьей* истории, *чьим* наследии и т.п. идет речь. И тогда оказывается, что, с одной стороны, для разных субъектов таких историй и наследий (от семейных до мировых) оказывается много, а с другой – сама та или иная историческая субъективация (практическое полагание и осуществление себя в качестве исторического субъекта) напрямую зависит от целенаправленной идентификации с «собственной» историей, «собственным» наследием. Другими словами, наследническая деятельность выполняет здесь функцию механизма исторической идентификации, полагания себя в истории, а такое о-своение истории, ее при-своение (т.е. вбирание ее в себя в качестве своей в той или иной форме – от мифологической до утопической) и делает ту или иную общность исторической.

В.Р.Рокитянский

К построению понятий «наследие» и «наследническая деятельность» (традиционалистская перспектива)

1.1. Достаточно обычна – и вполне объяснима – та ситуация, когда выработка понятия (или системы понятий), необходимых для сознательного осуществления некоторой деятельности отстает от становления самой этой деятельности. Деятельность складывается, обретает организационные формы, обретает своих героев и подвижников, обретает и свой **язык** (раз что-то делается, то ведутся и разговоры о сделанном, делаемом и планируемом). А понятий нет. Их место занимают слова с интуитивно понимаемым, размытым и вариативным смыслом. И чем более базовое положение должно было бы занять отсутствующее понятие, тем более неопределенным по смыслу остается занимающее его место слово. Таково и слово «наследие», которое доныне понятия за собой не имеет.

1.2. Требования к понятию «наследие».

а) Понятие должно *определять*, т.е. отличать, отделять наследие от ненаследия. Для нас актуально выделять наследие – как искомый предмет наследнической деятельности – из всей совокупности следов и останков прошлой жизнедеятельности, которую уместно назвать близким по бытовому употреблению термином «наследство».

б) Понятие должно – в своем развитом виде – заключать в себе положительное содержание «наследия» во всем его многообразии, т.е. *типологию* наследия.

Понятие должно быть работающим: чтобы им можно было пользоваться как инструментом в соответствующей деятельности – ее можно назвать «наследованием», или «наследнической деятельностью» – в том числе, например, и при принятии организационно-управленческих решений.

2. Что, однако, значит, определить наследие? Наследие заведомо не есть природный объект и не может быть определено натуралистически, через перечень своих натуральных атрибутов. Не миновать определения его функций – в деятельности и жизнедеятельности.

В то же время для построения понятия «наследия» недостаточно опираться на те функции, которые нечто (часть «наследства», «претендующая» на то, чтобы рассматриваться как «наследие») *выполняло в прошлом*. Чтобы стать наследием, наследство должно быть присвоено, в отношении его и должен осуществляться некий **особый вид деятельности**, «наследническая деятельность»: наследническая деятельность преобразует наследство в наследие (нечто, что мы именуем «наследием»).

Предложенные различия недостаточны. Все, так или иначе, может быть рассмотрено как следы и останки некоего прошлого; созданное вновь тотчас становится прошлым и должно быть перенесено в позднейшую деятельность – т.е. в некотором роде присвоено, унаследовано. Если всю совокупность объектных, средствственных и продуктивных составляющих деятельности (то, на что деятельность направлена, что она использует как средство и

что производит) назвать нашим «достоянием», то встает вопрос: чем наследие отличается от достояния? Или иначе: в чем специфика такой составляющей нашего достояния, как наследие?

Для ответа на этот вопрос необходимы, на наш взгляд, некоторые дополнительные различия функционального и типологического характера.

3.1. Итак, мы имеем дело с тройкой потенциальных понятий, строителство которых, как предполагается, нужно осуществлять совместно: **наследство** – **наследие** – **достояние**¹, и одновременно с выяснением специфики наследнической деятельности и ее места в универсуме человеческой деятельности.

Если достояние – это присвоенное наследство, то наследие – это наследство, присвоение которого отсрочено или произошло не полностью, не в полноте его возможностей. (Это некоторое переосмысление идеи высказанной А.Пископелем о наследии как о нереализованных прошлых альтернативах, особым образом аккультурированных в настоящем²).

3.2. Представляется, что для дальнейшего движения на первый план выступают вопросы о субъекте наследнической деятельности (и других видов деятельности, так или иначе, генетически или функционально, с ней связанных), о множественности субъектов такой деятельности (полисубъектности) и их типологии.

4. В подзаголовке настоящих тезисов стоят слова «традиционалистская перспектива».

Традиционализм, как он понимается здесь, хотя и связан – генетически и в смысле общей мировоззренческой ориентации – и с традиционализмом великих религиозных традиций, и с мета-конфессиональным традиционализмом типа геноновского³, выступает как подход или род гуманитарной методологии, при которой все социокультурные явления рассматриваются как проявления и метаморфозы традиционного. В качестве базовой, прототипической реальности («первофеномена» в гетевском смысле⁴) принимается «полная», невырожденная, сохраняющая свои существенные характеристики **традиция**. О том, что это такое, достаточно подробно сказано в нашем очерке 1998 г. Здесь важно подчеркнуть следующее.

Во-первых, такой невырожденной традиции отнюдь не свойственна статичность, сохранение себя в неизменном виде; традиция динамична постольку, поскольку она жива. Она, действительно, ориентирована на сбережение, сохранение чего-то для себя существенно важного, определяющего ее «лицо» – того, что можно назвать ее святыней, «сакрумом». Но само это сохранение сакрума – точнее, сохранение связи с Сакрумом бытийственным, трансцендентным традицией, и сохранение-восстановление внутри традиции сакрума как имманентного ей сакрального содержания (имманентного сакрума) – осуще-

¹ См. В.Рокитянский. Проектирование жизни и культ предков // Этнометодология. Вып. 4. М., 1997.

² См. тезисы А.Пископеля в настоящем сборнике.

³ См. очерк аксиоматики традиционализма в работе: В.Рокитянский. Мир традиции: I. Традиция: строение и метаморфозы // Этнометодология. Вып. 5. М., 1998.

⁴ См., например: К.А.Свасьян. Иоганн Вольфганг Гёте. М.: Мысль, 1989.

вляется путем постоянного преодоления застывших в своей ограниченности его рецепций.

Во-вторых, рассматривать социокультурный мир в традиционалистской перспективе значит рассматривать его как «мир традиций», но традиций многообразно вырожденных и деформированных, включая и то, что правильнее было бы назвать квазитрадициями. Общим для «традиций» в широком смысле слова является *самоидентификация-через-преемство*; традиция, можно сказать, всегда озабочена своей аутентичностью, подлинностью (примеры – от религиозной ортодоксии до «поддержания марки» в случае профессиональной традиции).

В-третьих, наконец, так понимаемые традиции могут находиться друг с другом в сложных отношениях пересечения, включенности, генетической связи.

Именно традиции являются – с точки зрения традиционализма – субъектами всякой деятельности, а значит, и наследнической деятельности – в некотором расширительном смысле, нуждающемся в уточнении (см. тезис 5). К обсуждению традиционализма – и альтернативных подходов – мы вернемся позднее (см. тезис 6).

5. Традиция как таковая тяготеет к самодостаточности; чем более полной и невырожденной является традиция, тем более ей свойственно универсальное самовосприятие: все, что вне ее рассматривается онтологически ничтожное, «кромешное», как хаос. Если взглянуть на проблему наследования, присвоения наследства, изнутри традиции, то получается, что тройственное различие «наследство – наследие – достояние» сплющивается в двойственное – наследие ничем не отличается от достояния (иначе: наследство тотчас и непрерывно становится достоянием) или, если взглянуть на ситуацию несколько с другой стороны, наследство, став достоянием (т.е. будучи вовлечено в жизнедеятельность традиции в тех или иных существенных для нее функциях), остается в то же время и наследием – в меру того, что в нем остаются не присвоенные и не освоенные, не актуализированные (не познанные, не понятые, не нашедшие применения или недоступные для применения – резервные) возможности.

По самому существу традиции, эти не вполне актуализированные возможности присущи различным ее составляющим тем в большей мере, чем больше они связаны с ее сакрумом. Эта насыщенность скрытыми возможностями на языке метакофессионального традиционализма называется *нуминозностью* (термин Р.Отто). Свои термины для обозначения нуминозного есть и в языке самих сакральных традиций (например, «святость», «благодать» и «тайнство» в христианстве, «барака», «вилайа», «кутб» в исламе и др.). «Наследием» традиции является, таким образом, совокупность ее святынь или, может быть точнее, связь с тем, ради чего они сберегаются – сам Сакрум.

Понятно, что профанные аналоги этому имеются в каждой вырожденной традиции (и нередко носят заимствованные от сакральных традиций имена).

6. Нужда в понятии «наследие» – в более точном и специфическом смысле – появляется в ситуации множества сосуществующих и вынужден-

ных принимать друг друга во внимание традиций (в *мультитрадиционном мире*). Такая ситуация требует рефлексированности – как от традиционализма, так и от других мыслимых и реализующихся подходов в отношении прошлого, его следов и останков (наследства). Совокупность мыслимых подходов удобно редуцировать к четырем попарным альтернативам по двум признакам: 1) «качеству» отношения к прошлому – как к значимому, осмысленному, поучительному (в пределе как к нуминозному) в одном случае (почитание) и как к материалу для новаций или «мусору», отходам в другом (утилизация); 2) рефлексированности, т.е. готовности к учету времени и окружения. Мы при этом получаем следующую таблицу:

	<i>почитание</i>	<i>утилизация</i>
<i>нерефлексированность</i>	нерефлексированный традиционализм	футуризм
<i>рефлексированность</i>	рефлексированный традиционализм	рефлексированный футуризм (прагматизм)

Все четыре позиции могут быть не только сконструированы умозрительно, но и обнаружены в реальной истории, где их осуществление иногда принимает мало как предельное выражение, так и значительные масштабы.

Все традиции являют нам примеры *нерефлексированного традиционализма* – обычно в периоды стагнации или острой опасности, когда желание сохранить святыню, аутентичность традиции побуждает к сакрализации исторических форм ее существования, в качестве, если воспользоваться выражением из иудейского традиционного лексикона, «оград Закона». Сюда же можно отнести крайние проявления ритуализма или догматизма, встречающиеся во всех почти традициях, как религиозных, так и светских.

Ярчайшие примеры *футуризма* явил нам строй, установленный в России XX века в результате Революции, особенно его ранние фазы с их «сбрасыванием с парохода современности», «разрушением дотла» и, наконец, перекройкой («перековкой») самого человека как антропологического материала «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁵.

Две других позиции менее радикальны и просты – за счет своей рефлексированности. Именно из установки на рефлексивную, диахронную и синхронную, вырастает, видимо, вся познавательная деятельность человека, в том числе историзм и историческое познание, неразрывно связанное с занимающей нас проблематикой наследия.

⁵ Н.И.Бухарин «Экономика переходного периода». См. также описание раннесоветских дерзаний в области антропотехники в документальной книге О.Шишкина «Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля» (М.: Ультра.Культура, 2003), из которого, в частности, видно, насколько привлекательна и заразна футуристическая позиция для ученого мира, причем наиболее, может быть, талантливых его представителей.

Здесь уместно отнести к альтернативной типологии подходов к прошлому, которую предложил А.Пископпель. В типологии Пископпеля выделены традиционализм, прогрессизм, прагматизм и историцизм, различающиеся тем, где во времени «размещается» для каждой из этих позиций идеал – соответственно, в прошлом, в будущем, «нигде» (отсутствует) или творится в истории (перманентный выбор будущего). Хотя критерии попарных различий у нас иные, но в приложении к социокультурной эмпирии содержание позиций оказывается отчасти близким: «традиционализм» по Пископпелю ≈ *нерефлексированному традиционализму*, прогрессизм ≈ *футуризму*, прагматизм ≈ *прагматизму* же. Казалось бы, историцизм у Пископпеля можно приравнять рефлексированному традиционализму у нас, тем более, что, как будет видно, в обоих случаях предполагается, что именно с этими позициями связано выделение специфически наследнической деятельности. Между тем, различие велико. С точки зрения тех критериев, которые положены в основу нашей типологии, историцизм неотличим от прагматизма: идеал произвольно творимый и произвольно пересматриваемый – это, на наш взгляд, все равно, что его отсутствие; прагматизм и историцизм равно предполагают рефлексированное и утилитарное отношение к прошлому. Вопрос, конечно, в том, что понимать под утилитарностью – возможны весьма сублимированные представления о пользе, – но это равно справедливо для того и другого.

Иное – традиционализм, для которого важно прошлое с его собственными ценностями и диалог с прошлым относительно понимания судеб традиции и ее аутентичной сути – сакрума.

7.1. Вернемся к наследию. Выше уже было сказано, что о наследии приходится говорить в условиях, когда неотменяемой и неигнорируемой реальностью становится мультитрадиционность, вынуждающая традиции и сообщества-носители традиций рефлексировать свое положение, синхронное и диахронное, в этом мультитрадиционном мире. С нашей точки зрения, полноценному осмыслению этой ситуации и построению на основе этого осмысления деятельности по присвоению наследства – наследнической деятельности – максимально благоприятствует рефлексированный традиционализм, совмещающий взгляд на свою историю, историю жизни в связи со своим сакрумом, в его почитании, с осознанием аналогичных ситуаций в других традициях. Без первого, без живого опыта деятельности по сбережению, без, может быть, драматических утрат и обретений своей святыни и без сохранения своей аутентичности в этой деятельности, невозможно и понимание того, чем живут другие традиции. Без рефлексии традиция замыкается не только на себе, но в исторической ограниченной рецепции себя и своего сакрума. *Нерефлексированный традиционализм* все возможности воспринимает как уже актуализованные; тем самым снимается вопрос о присвоении наследства и различие между наследием и достоянием.

7.2. Этот вопрос, вопрос о наследии и наследнической деятельности встает лишь по отношению *общего наследия многих традиций*. Целью наследнической деятельности оказывается присвоение «чужого» наследия и интеграция «чужого» со «своим».

Это наблюдение подтверждается и реальной историей становления того,

что получило названия «работа с наследием», «забота о наследии», «сохранение наследия», «использование наследия» – все это частичные синонимы того, что на новом рефлексивном этапе предлагается называть «наследнической деятельностью». Его подтверждает, в частности, знакомство с документами и исследовательскими текстами. Так, в документах ЮНЕСКО, где слово «наследие» впервые, видимо, широко используется как технический термин, речь идет именно о «всемирном наследии» (world heritage), о включении тех или иных объектов в «Список всемирного наследия» (World Heritage List), о «глобальной стратегии в отношении всемирного наследия» (World Heritage Global Strategy) – см. Всемирное и культурное наследие. М.: Институт наследия, 1999. Там, где речь идет о наследии в пределах отдельных регионов и стран вопрос также ставится именно в интеграционной перспективе – как вопрос об общем наследии всех народов и традиций, живущих в пределах одной территории.

7.3. Именно возможность совмещения двух перспектив обращения к наследству определяет преимущества традиционалистской позиции. Исходя из задачи такого совмещения должны, вероятно, определяться и организационные формы наследнической деятельности – как формы кооперации между внутренними институтами традиций и институтами, обеспечивающими те специфические виды деятельности, которые формируются для работы с наследием как с «отсроченно присваиваемым наследством» (см. тезис 3) – исследовательскими, образовательными и такими максимально наследнически ориентированными, как музейная и т.п. деятельность.

8. Несомненно важное значение имеет вопрос о типологии наследия и наследнической деятельности. Представляется, что и для него оптимальное решение следует искать в традиционалистской перспективе, когда в основу типологии интегрального (межтрадиционного) наследия могут быть положены типологические различия, которые складываются в деятельности традиций по сбережению и реактуализации нуминозного наследства.

8.1. В этом отношении применительно к тому, что происходит в рамках одной традиции можно говорить о *прото-наследии* и о *прото-наследнической деятельности*.

Консервационная задача традиции реализуется путем сохранения в неизменности *сакральных предметов – носителей* памяти и образцов для подражания. По своему функциональному отношению к сакруму это могут быть тексты, образы, сюжеты, способы действий и т.д. Особое место занимают вещи или *реликвии* (в качестве таковых могут выступать и все предыдущие носители в случае их материальной закреплённости).

8.2. Рефлексивный перенос этой типологии в метатрадиционное пространство может заложить основание для осмысленной типологии собственно наследия, завершая тем самым построение содержательного понятия «наследие».

Л.П.Щедровицкий

К обсуждению содержания понятий «наследие» и «наследническая деятельность»

1. В трактовке содержания основного вектора «наследнической деятельности» как деятельности культуротехнической, культуротехники, я занимаю позицию, совпадающую с позицией А.А.Пископпеля (см. его тезисы в настоящем сборнике).

Однако мы несколько расходимся в трактовке самой «культуротехники». На мой взгляд, у культуротехники (в отличие от «техники» как родового понятия) нет объектов в «настоящем» и «будущем» – она всегда имеет дело с объектами «из прошлого».

Другими словами, я считаю, что культуротехническая часть, или составляющая, наследнической деятельности есть просто культуротехника, а не вид культуротехники.

Кроме того, я не согласен с жестким рамочным утверждением А.А.Пископпеля, что «наследническая деятельность осуществляет *вторичную аккумуляцию прошлого*».

2. Функция наследнической деятельности как культуротехники состоит в том, чтобы, придав объекту статус *наследия*, организовать его полноценную *трансляцию*.

Именование объекта «наследием» означает выделение его из множества других объектов (которые «наследием» не являются) в интенции на изыятие его (в этой его ипостаси) из социетального пространства (в схеме воспроизводства деятельности) и перевод в пространство культуры.

Но для того чтобы «наследие» действительно попало в пространство культуры и там пребывало, нужно обеспечить его трансляцию (если не «навечно», то на максимально возможный срок – отсюда требования охраны, реставрации и т.п.).

3. Наследническая деятельность уже сейчас (не говоря уже ее виртуальном будущем – как сферы) не сводится к культуротехнике, хотя культуротехника является ее базовой и ведущей составляющей.

Помимо «техник» разного рода (таких, как социотехника, человекотехника и т.д.) она включает и такие компоненты, как поиск, исследование, экспертиза и т.п.

В связи с этим возникает проблема «объекта» этих разных деятельностей. Можно ли утверждать, что все они имеют дело с одним и тем же «объектом»? На мой взгляд, это один из ключевых вопросов предстоящего обсуждения.